

И.В. Амбарцумов

ПОЛЕМИКА О СВОБОДЕ СОВЕСТИ В РУССКОЙ СВЕТСКОЙ И ЦЕРКОВНОЙ ПЕЧАТИ В КОНЦЕ 1904 – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1905 ГОДА

Статья посвящена дискуссиям в церковной и светской печати по поводу проблемы свободы совести и реформы религиозного законодательства Российской империи в конце 1904 – первой половине 1905 года. Проанализирована позиция по вопросам религиозной свободы ведущих российских печатных органов того периода. В основу исследования положены принцип историзма и структурный подход, при анализе материалов прессы использовались метод сравнительного анализа и метод выборочного исследования. Автор приходит к выводу о том, что либерализация русского религиозного законодательства, которая произошла в 1905 году, была объективно неизбежна, хотя и имела неоднозначные последствия.

Ключевые слова: веротерпимость, свобода совести, законодательство, Православная Церковь, вероисповедания, раскольники, сектанты, старообрядцы, полемика, печать.

Вопрос о веротерпимости был одним из наиболее актуальных вопросов, стоявших на политической повестке дня в России начала XX века. Многие государственные и общественные деятели того времени полагали, что религиозное законодательство Российской империи нуждается в существенной корректировке в сторону либерализации, то есть расширения вероисповедной свободы. Впрочем, так думали не все. Существовала точка зрения, согласно которой Россия, даже и до революции 1905 года, являлась одной из самых веротерпимых стран в мире. Епископ Серафим (Чичагов), в будущем митрополит и один из российских новомучеников, утверждал в одной из своих проповедей: «Ни одно государство не было так веротерпимо, как православная Россия, и во все времена, даже при Иоанне Грозном. Уже при Петре I была объявлена в России свобода совести. Католики и иезуиты всегда свободно действовали у нас, и при Петре II дозволен был беспрепятственный переход в католичество. В Петербурге издавна имеется римско-католическая академия, именуемая “Императорская”, какой чести не удостоена ни одна русская академия.¹ Если когда и преследовали

Иван Владимирович Амбарцумов — магистр социально-экономического образования, аспирант кафедры русской истории РГПУ им. А.И. Герцена, выпускник Санкт-Петербургской православной духовной семинарии.

¹ Санкт-Петербургская, Московская и Киевская духовные академии также имели статус императорских перед революцией 1917 г. — *Прим. ред.*

у нас раскол, то исключительно за политику и кошунство. Хлысты, молокане, скопцы, язычники, магометане, евреи пользовались всегда добрым отношением правительства. О протестантизме и упоминать не стоит, настолько известно, что эта вера процвела в России. Зато мы, православные, у себя дома всегда терпели гонение за правду Божию. Много имеется исторических фактов вроде того, как два священника Изюмского уезда Харьковской губернии, имевшие неосторожность назвать лютеранскую веру “лжеучением”, были биты плетью в духовном правлении. Книгу митрополита Стефана Яворского “Камень веры” о протестантском учении было дозволено напечатать только спустя 20 лет после его смерти. Таким образом, свобода религиозного убеждения была узаконена в России издавна и только благодаря веротерпимости православия»². Исторические факты, приведенные владыкой Серафимом, весьма красноречивы, но нельзя не отметить, что они относятся преимущественно к XVIII – началу XIX века. Действительно, в русской истории был период, когда правительство оказывало преувеличенное благоволение к немцам-протестантам (первая половина XVIII века, особенно эпоха «бироновщины»). Было время, когда русское государство покровительствовало иезуитам, гонимым во всей остальной Европе (эпоха Екатерины II). В царствование Александра I представители правящих кругов и высшего света России проявляли благожелательный интерес к русским самобытным сектам, в том числе к таким явно изуверским течениям, как хлыстовство и скопчество³. Однако на протяжении большей части XIX–начала XX века власти Российской империи твердо стояли на страже интересов православной веры, государственный статус которой был четко закреплен в Своде законов Российской империи, принятом при Николае I. В российском законодательстве «существовала строгая градация вероисповеданий, которые подразделялись на три основные группы: первенствующая господствующая религия, терпимые, гонимые.

Первенствующей и господствующей в Российской империи признавалась “вера христианская православного кафолического восточного исповедания”... К православию обязательно должны были принадлежать император, императрица и жена наследника престола. При всех важнейших государственных событиях

² Серафим (Чичагов), митр. Да будет воля Твоя. М.-СПб., 1993. Ч. 1. С. 212–213.

³ См.: Буткевич Т.И. Обзор русских сект и их толков. П., 1915. С. 169; Клибанов А.И. Религиозное сектанство в прошлом и настоящем. М., 1973. С. 95.

к участию в торжествах привлекалось православное духовенство... Лишь православным давалось право пропаганды своего учения»⁴.

«Терпимыми» являлись традиционные религии нерусских народов империи. В законе они именовались «иностранными исповеданиями». К их числу относились, во-первых, инославные христианские конфессии: католичество, которое исповедовали поляки, литовцы и часть российских немцев, лютеранство и другие направления протестантизма, которых придерживались большинство колонистов западноевропейского происхождения в Поволжье и на Кавказе, эстонцы, латыши и балтийские немцы, а также армяно-григорианское вероисповедание. Во-вторых, в категорию терпимых входили иноверческие исповедания: религия караимов (крымских евреев), талмудический иудаизм, представляющий собой религию большинства еврейского народа, ислам, который исповедовали некоторые народы Поволжья и Кавказа и большая часть населения Средней Азии, ламаизм калмыков и бурятов, языческие верования «инородцев» Севера и Сибири. Юридические права и внутренняя организация «иностранных исповеданий» регулировалась XI томом Свода законов. «Иностранному исповеданию» гарантировалась свобода отправления культа, но не свобода проповеди и распространения их учения. Православным запрещался переход в инославие, а христианам вообще — переход в иноверие. За соращение православных в иную веру полагалось уголовное наказание.

Часто говорится о том, что Православная Церковь в созданной Петром империи была превращена в часть государственной машины. Реже вспоминают о том, что весьма сходным образом российское законодательство подходило к большинству «иностранных исповеданий»: «В Своде законов Российской империи определялись органы управления различных конфессий, обязанности и меры наказания духовенства. Все высшие должностные лица назначались императором. Приобретение любого недвижимого имущества могло происходить только с разрешения императора, иногда — Министерства внутренних дел. Все духовные лица приносили присягу на верность царю, клялись охранять законы государства. Католическое и протестантское духовенство наравне с православным получало жалованье от казны»⁵.

Некоторые особенности русского религиозного законодательства и практической политики в этой области вызывали недоумение не только у оппозици-

⁴Дорская А.А. Свобода совести в России: судьба законопроектов начала XX века. СПб., 2001. С. 19.

⁵Там же. С. 22.

онно настроенных либералов, но и у вполне «благонамеренных» консерваторов. Вот что писал журналист суворинского «Нового времени» по поводу российских законов, касавшихся иудаизма: «Послушать самые громкие голоса печати, старающиеся отражать веяния наших дней, — получается такое впечатление, как будто в России нет более настоятельных задач, чем задача улаживания еврейской национальности. Таковы в особенности вопросы веротерпимости и равноправности... Скажем прежде всего о веротерпимости. Какие могут быть у евреев причины жаловаться на недостаток веротерпимости в отношении к ним, этого решительно нельзя понять. В цветущие времена еврейской политической самостоятельности не было в Палестине столько синагог, сколько их ныне размножилось повсеместно в России... Не только никто не мешает евреям веровать и молиться по-своему, но есть нечто прямо странное в нашем законодательстве о евреях. Мы, совершенно неизвестно ради чего, взяли на себя охрану еврейского талмудического правоверия, силою закона и власти поддерживаем еврейские религиозные установления против посягательства на них самих же евреев; мы запрещаем евреям переходить в некоторые другие религии и караем отступников от талмудической ортодоксии. Мы вооружаем огромною силою блюстителей этой талмудической ортодоксии, являющихся вождями еврейского населения и образующих своего рода правительство над ним, весьма бдительное и весьма строгое. Силою нашего закона и наших властей мы обязываем евреев есть только дорогое кошерное мясо и платить известные сборы, идущие на поддержку юдаизма... Можно ли после всего этого говорить о недостатке веротерпимости в отношении евреев?»⁶.

Рассуждения «Нового времени», представляющиеся на первый взгляд довольно убедительными, в действительности были весьма односторонними. Вряд ли возможно говорить о каком-то особом благоволении российской власти к иудаизму, учитывая тот факт, что приверженцы данной религии были существенно поражены в своих гражданских правах (черта оседлости, процентные нормы и т.п.)⁷. Дело, скорее, в том, что царский режим стремился поддерживать консервативные и традиционалистские силы во всех религиях и народно-

⁶О веротерпимости // Новое время. 22.09.1904. № 10259. С. 3.

⁷На этот факт справедливо указывали «Новому времени» оппоненты из либерального лагеря: «Другая статья в виде возражения нам говорит: раз исповедание какой-нибудь веры обуславливает собою ограничение прав, о свободе совести не может быть и речи. Только с переменой религии еврей приобретает все права. Очевидно, его вероисповедание неполноправно» (Еще два слова о веротерпимости // Новое время. 26.09.1904. №10263. С. 3).

стях. Государственные деятели Российской империи справедливо полагали, что ортодоксальный иудей представляет собой гораздо более политически благонадежный элемент, чем еврей-вольнодумец или атеист. Так или иначе, иудаизм к числу гонимых вероисповеданий не принадлежал, его точнее было бы назвать вероисповеданием «неполноправным».

По-настоящему гонимыми в Российской империи до 1905 года были старообрядцы, а также выделившиеся из старообрядческого раскола или отпавшие непосредственно от Православной Церкви сектанты. Правительство отказывалось признавать за старообрядческими и сектантскими общинами право юридического лица, не признавало их духовенство и заключаемые при посредстве этого духовенства браки и другие акты гражданского состояния. Преследуя указанные группы верующих, русское правительство руководствовалось уже не соображениями государственного прагматизма, а интересами господствующей Церкви. Трудно согласиться с вышеприведенным утверждением владыки Серафима, что раскольников в России преследовали «только за политику и кощунство». Под этими двумя словами епископ подразумевал, во-первых, хулу на Православную Церковь, во-вторых, трактовку русской государственной власти как власти антихриста. В действительности подобные воззрения были распространены лишь в некоторых раскольничьих толках, в то время как большая часть старообрядцев отличалась лояльностью и политическим консерватизмом. Старообрядцев преследовали в первую очередь за то, что они предлагали народу «альтернативную версию» православия, искренне считая себя носителями подлинной православной традиции, от которой в результате реформ Никона отошла официальная Русская Церковь. Таким образом, они были ее главными противниками и конкурентами. Для простого русского человека, чье религиозное мировоззрение характеризовалось консерватизмом и обрядоверием, «сворачивание в раскол» было гораздо большей опасностью, чем переход в какое-либо из «иностранных исповеданий». Такова была логика гонителей старообрядчества. Но с ней отказывались соглашаться представители русской либеральной и даже умеренно-консервативной общественности. Журналист «Нового времени» в цитированной уже статье выражал недоумение, почему, признавая право евреев жить по обычаям своей веры, правительство не признавало этого права за «приверженцами раскола, справедливо пользующимися репутацией крепких русских людей, глубоко преданных Царю, свято блюдуших свою русскую национальность, <...> искренно всем сердцем делящих со всеми нами общие русские

скорби и радости, испытанных стойких патриотов»⁸. Как мы видим, защищая религиозные права старообрядцев, «Новое время» исходило не только из «общечеловеческих ценностей», но также и из соображений «реальной политики». Зачем государству преследовать и восстанавливать против себя тех людей, которые могли бы составить для него надежнейшую опору? После публикации указанной статьи суворинское издание подверглось критике как со стороны светских либеральных, так и церковно-консервативных кругов.

«Новостям» показалось, будто мы свободу совести обращаем в “орудие государственности”, “низводим ее на степень награды и поощрения за верность национальной идее”⁹. Либералы также обвиняли «Новое время» в неискренности и беспринципности: «“Новое время” не любит веротерпимости, но и не желает прослыть ее противником. Еще недавно в этой газете доказывалось, что отпадение от господствующей Церкви ни в каком случае не может быть допускомо или признаваемо. <...> Теперь <...> газета пытается доказать, что установление полной веротерпимости можно отложить, а на первую очередь должен быть поставлен вопрос о веротерпимости в отношении раскольников»¹⁰.

С совершенно иных позиций нападал на суворинскую газету некто Н. Гринякин, постоянный автор выходившего в Киеве авторитетного церковного журнала «Миссионерское обозрение». По его словам, предельно допустимая веротерпимость в отношении раскольников итак уже осуществлена: «По закону 3-го мая 1883 года, за мнения о вере и совершение молений по своему обряду в своих моленных раскольники не преследуются и по “практической политике” (даже вопреки указанному закону): на крышах раскольничьих моленных, “терпятся” водруженные кресты <...> терпятся в моленных престолы и алтари, терпятся раскольничьи попы, повсюду являющиеся в облике православных пастырей – с длинными волосами и в рясах; мало того, раскольничьи попы и начетчики на публичных беседах с православными миссионерами не только защищают свое темное богословие, но и безнаказанно изрыгают всяческие злохуления на православную Церковь. Это ли не терпимость? Это ли не полное право раскольников “веровать и молиться по-своему”?.. Если “Новое время” считает такую терпимость по отношению к раскольникам все же недостаточной, то только потому,

⁸ О веротерпимости // Новое время. 22.09.1904. №10259. С. 3.

⁹ Еще два слова о веротерпимости // Новое время. 26.09.1904. №10263. С. 3.

¹⁰ «Новое время» о веротерпимости // Новости и биржевая газета. 25.09.1904. №265. С. 2.

что восстает, хотя как-то прикровенно, против ограничения свободы раскольничьей пропаганды»¹¹.

С формальной точки зрения миссионер как будто бы прав. Изданный в начале царствования Александра III закон 3 мая 1883 года до известной степени расширил гражданские и вероисповедные права «раскольников всех сект» (за исключением скопцов)¹². Старообрядцам и сектантам было разрешено производить торговлю и промыслы, занимать общественные должности, совершать богослужения не только в молельных домах, но и в частных без нарушения общественного порядка. Пришедшие в ветхость старообрядческие часовни и храмы разрешено было восстанавливать, а ранее закрытые властями — распечатывать, каждый раз после предварительного обсуждения и согласования этого вопроса министром внутренних дел с обер-прокурором Святейшего Синода. При этом раскольникам строго запрещалось публичное «оказательство» их веры, то есть проведение каких-либо религиозных церемоний вне храмов и домов¹³. Никакого особого юридического статуса духовные лица и наставники старообрядцев и сектантов не получили (ведение метрических книг раскольников еще ранее, по закону 1874 года, было возложено на полицию). Однако даже те незначительные послабления, которые были даны старообрядцам в упомянутом законе, не были осуществлены в полной мере. Как отмечает, В.Ф. Миловидов, «закон этот в значительной мере остался на бумаге. Царская администрация на местах нередко допускала произвол и притеснения старообрядцев, которые особенно усилились в годы открытой реакции 80-х—середины 90-х годов, одним из главных вдохновителей которой был обер-прокурор синода К.П. Победоносцев»¹⁴. Как свидетельствуют современники, основание преследования раскольников заключалось «не в самом законе, а в отсутствии в нем точного до мелочей определения прав старообрядцев [как это было в отношении «иностранных исповеданий». — И.А.]. Слишком общий характер закона дал широкое место административному произволу, почти всегда неблагоприятному для старообрядчества и сектантства»¹⁵.

¹¹ *Гринякин Н.* Наши «Гамалиилы» (по поводу газетных суждений о «веротерпимости») // Миссионерское обозрение. 1904. Октябрь. Кн. 2. С. 929–930.

¹² Понятие «раскольник» в российском законодательстве до 17 апреля 1905 года объединяло старообрядцев всех согласий и всех русских сектантов.

¹³ См. Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье (далее: ПСЗ- III). Т. III. СПб., 1886. С. 219–221.

¹⁴ *Миловидов В.Ф.* Старообрядчество в прошлом и настоящем. М., 1969. С. 59.

¹⁵ *Белявский Ф.* О свободе совести. // Слово. 08.02.1905. №61. С. 5.

«Все без исключения раскольники, раз дело касается их веры, не могут сделать шага без разрешения администрации. Право давать или не давать разрешение на открытие моленных предоставлено министру внутренних дел; но с каким трудом на практике даются эти разрешения, как часто все подобные ходатайства остаются без ответа!.. На 75000 населения раскольников в громадной нижегородской епархии приходится лишь 12 разрешенных правительством моленных, а в вятской — всего пять. Естественно, что при таких условиях, помимо официально существующих в указанных епархиях, имеется масса неразрешенных моленных: в нижегородской — 172, в вятской — 60»¹⁶, — писал в конце 1904 года в «Русских ведомостях» некто С.М-нов, ссылаясь на вышедшую незадолго до этого книгу К.К. Арсеньева «Свобода совести и веротерпимость». Административный произвол затрагивал и частную жизнь старообрядцев: «Для урегулирования семейного положения раскольников еще по закону 19 апреля 1874 года заведены метрические книги, ведение которых возложено на полицию. И здесь — снова целый ряд самых вопиющих злоупотреблений, на почве которых развиваются потрясающие драмы, когда законные жены и законные дети раскольников признаются администрацией незаконными, когда раскольники по недоразумению ли, или по произволу, вопреки многочисленным разъяснениям высшей в империи судебной инстанции, сената, попадают в ранг отпавших и должны нести все последствия так называемого отпадения от православия»¹⁷.

Имели место случаи, когда старообрядческое духовенство не допускалось в больницы для напутствия больных и умирающих единоверцев¹⁸. В прошении старообрядцев, поданном министру внутренних дел В.К. Плеве, в частности, говорилось: «Несмотря на нашу беззаветную преданность своему монарху и отечеству, нас <...> не допускают на некоторые государственные и общественные должности, в военной службе в некоторых частях не производят даже в унтер-офицеры, а в военно-учебные заведения не принимают вовсе»¹⁹.

В силу проблем с юридическим статусом старообрядческих общин и с гражданскими правами старообрядцев как современники, так и историки нередко затруднялись назвать их точную численность в рассматриваемый нами пери-

¹⁶С.М-нов. Закон и «религиозные отщепенцы»// Русские ведомости. 03.12.1904. №336. С. 4.

¹⁷Там же.

¹⁸Белявский Ф. О свободе совести // Слово. 08.02.1905. №61. С. 5; Пятый всероссийский старообрядческий съезд (Корреспонденция «Нового времени»)// Новое время. 23.09.1904. №10260. С. 4.

¹⁹Цит. по: Пятый всероссийский старообрядческий съезд (Корреспонденция «Нового времени»)// Новое время. 23.09.1904. №10260. С. 4.

од. Публицист из «Нового времени» утверждал, что число приверженцев «старой веры» в России составляет «по меньшей мере 15–20 миллионов»²⁰, и в этом с ним соглашался журналист «Новостей»²¹. Н. Гринякин, возражая апологетам старообрядчества, ссылаясь на данные всеобщей переписи 1897 года, согласно которым «раскольников теперь не 20 миллионов, а лишь около 2»²² (причем под словом «раскольники» в данном случае понимались совокупно старообрядцы и сектанты различных толков). Точнее говоря, эта категория верующих, в соответствии с официальными данными в общей сумме насчитывала 2 173 738 душ обоего пола или же 2,5% к общему числу православных²³. Цифру в 20 миллионов впервые назвал либеральный исследователь старообрядчества А.С. Пругавин. Его статья «Два миллиона или же двадцать миллионов?» была впервые опубликована в «Санкт-Петербургских ведомостях» в 1902 году, а затем вошла в книгу «Старообрядчество во второй половине XIX века»²⁴. Надо сказать, что ни советские, ни современные исследователи не склонны доверять «вычислениям» данного автора. «Есть все основания полагать, — пишет В.Ф. Миловидов, — что, если бы подсчет был произведен верно, и у старообрядцев не было бы серьезного повода уклоняться от переписи, эту цифру можно было бы увеличить в 1,5–2 раза»²⁵. Таким образом, число раскольников могло, по мнению советского религиоведа, насчитывать от трех до четырех миллионов, но никак не двадцать. Современный историк Церкви С.Л. Фирсов вообще не считает нужным оспаривать официальную статистику²⁶.

Либеральные публицисты, призывавшие прекратить «административный произвол» в отношении старообрядцев, писали также и о необоснованном стеснении прав сектантов. «Если <...> юридическое положение раскольников-старообрядцев по справедливости можно назвать бесправным, то какими словами охарактеризовать положение тех русских сектантов, учение которых идет вразрез с догматами господствующей Церкви? Эти сектанты *de facto* находятся «вне закона», мероприятия по отношению к ним носят характер таких репрессий, которые немислимы ни в одном культурном государстве <...> К разряду

²⁰О веротерпимости // Новое время. 22.09.1904. №10259. С. 3.

²¹«Новое время» о веротерпимости // Новости и биржевая газета. 25.09.1904. №265. С. 2.

²²Гринякин Н. Наши «Гамалиилы» // Миссионерское обозрение. 1904. Октябрь. Кн. 2. С. 931.

²³Фирсов С.Л. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х–1918 гг.). М., 2002. С. 258.

²⁴Пругавин А.С. Старообрядчество во второй половине XIX века. Очерки из новейшей истории раскола. М., 1904. С. 7–18.

²⁵Миловидов В.Ф. Старообрядчество в прошлом... С. 60.

²⁶Фирсов С.Л. Русская Церковь накануне... С. 258–259.

сект “особо вредных в церковном и государственном отношении” были отнесены штундисты, которым, согласно Положению комитета министров 4-го июля 1894 года воспрещены общественные молитвенные собрания <...> Полицейские власти, вторгаясь в частные жилища в целях преследования незаконных сборищ, не могут, конечно, входить на месте в детальное обсуждение сложного вопроса о принадлежности к штундизму привлекаемых к уголовной ответственности сектантов — это выясняется впоследствии на суде»²⁷.

«Особенно тяжело поражает та крайняя произвольность, с которою на суде определяется принадлежность того или иного лица к “вредной секте”. Судят по одному показанию миссионера-эксперта, отделяющегося в этих случаях одной шаблонной бездоказательной фразой: “социально-коммунистические тенденции скрыты в глубине секты”»²⁸. В статье «Оказательство и совращение» журналист «Санкт-Петербургских ведомостей» С. Соломин рассуждал о нелогичности и непоследовательности религиозной политики русских властей: «Замечательное, однако, дело: все терпимые религии, вошедшие уже в рамки духовного бюрократизма (например, католичество, лютеранство, иудейство), не опасны в смысле совращения одним только оказательством (юридический термин, обозначающий публичную демонстрацию той или иной веры. — И.А.). Напротив, мелкие секты, принесенные с Запада, или доморожденные, оказываются чрезвычайно деятельными, и самое их оказательство уже признается вредным. Не кроется ли объяснение в самом факте преследования, или в том, что на горячее исповедание следует в ответ не горячая же отповедь, а холодная кара судебного взыскания? Слово словом побораются, а не изъятым мечом»²⁹.

Все цитированные выше публикации появились в печати в тот период, когда верховная власть уже заявила о своем намерении расширить и укрепить в России начала веротерпимости. Впервые оно было высказано в императорском манифесте от 26 февраля 1903 года «о предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка». В нем, в частности, говорилось: «Мы... признали за благо укрепить неуклонное соблюдение властями, с делами веры соприкасающимися, заветов веротерпимости, начертанных в основных законах Империи Российской, которые, благоговейно почитая Православную Церковь первенствующей и господствующей, предоставляют всем подданным Нашим ино-

²⁷ С.М-нов. Закон и «религиозные отщепенцы» // Русские ведомости. 03.12.1904. №336. С. 4.

²⁸ Белявский Ф. О свободе совести. // Слово. 08.02.1905. №61. С. 5.

²⁹ Соломин С. Оказательство и совращение // Санкт-Петербургские ведомости. 14.10.1904. №282. С. 3.

славных и иноверных исповеданий свободное отправление их веры и богослужения по обрядам оной»³⁰. Данная формулировка была еще слишком общей. Ее можно было понять в том смысле, что государь желает обеспечить неуклонное соблюдение уже существующих законов, охранявших права «инославных и иноверных», то есть «иностранных исповеданий», к числу коих старообрядчество и сектанство не относились. Однако 12 декабря 1904 года был издан Высочайший указ Правительствующему Сенату, где, в числе намечаемых либеральных преобразований, прямо заявлялось о намерении «подвергнуть пересмотру узаконение о правах раскольников, а равно лиц принадлежащих к инославным и иноверным исповеданиям» (п.6)³¹. В январе, феврале и марте 1905 года состоялось несколько заседаний Комитета министров, на которых обсуждались подробно положения будущего закона о свободе совести, в частности, права старообрядцев, отделившихся от православия сектантов, лиц, отпадающих от господствующей Церкви, в инославии и иноверии.

Большая часть русских периодических изданий, как либерального, так и умеренно-консервативного направления, горячо приветствовали грядущую религиозную свободу. «Особенно отраднo отметить выраженное в Указе “душевное желание” охранять веротерпимость, причем едва ли не впервые с давних пор прямо и положительно повелено “подвергнуть пересмотру узаконения о правах раскольников”»³². Газета «Русь», издававшаяся сыном владельца «Нового времени» А.А. Сувориным, гораздо более либеральная по своему направлению, чем издание Суворина-старшего, вместе с надеждой выражала и некоторую обеспокоенность: еще не было полной ясности относительно того, насколько будут расширены права раскольников, сектантов и иноверцев. «Точно также я склонен широко смотреть на 6 и 7-й пункты указа, где говорится об инородцах и иноверцах... — писал на страницах газеты известный журналист Л. Львов (Клячко). — Я имею твердое основание верить в полную и горячую искренность этих слов и верить также в то, что ответ на эти слова получится правильным. Ибо, по моему глубокому убеждению, насущные интересы государства и явная польза русского народа требуют только одного: полного равенства всех подданных без различия каст, исповеданий и взглядов»³³.

³⁰ПСЗ-III. Т. XXIII. Отделение I. СПб., 1905. С. 114.

³¹ПСЗ-III. Т. XXIV. Отделение I. СПб., 1907. С. 1197.

³²Высочайший указ // Новое время. 14.12.1904. №10342. С. 3.

³³Львов Л. К трудам Комитета министров // Русь. 24.12.1904. №374. С. 1.

«Зарю религиозной свободы» приветствовала газета «Слово», комментируя состоявшееся 25 января 1905 года заседание Комитета министров, на котором большинство участников, включая приглашенного митрополита Санкт-Петербургского Антония (Вадковского), высказались за отмену правовых ограничений для старообрядцев: «"Раскол и старообрядчество"... Да, много тяжелых воспоминаний о кострах, застенках и мрачных казематах монастырских тюрем представляется при этих словах... Сколько погибло в тяжелом изгнании, замучено в пытках, лишилось человеческого облика и разума за десятки лет одиночного заключения честных, стойких русских людей. Товарищ министра внутренних дел П.Н. Дурново, охарактеризовал старообрядцев <...> как людей искренно любящих родину, честных и неутомимых тружеников земли русской; это мнение оказалось общим голосом участвовавших в заседании членов Комитета министров. Преследование старообрядцев каким бы то ни было порядком, духовным или административным, и закрытие старообрядческих церквей не должно иметь места. — Доброе и правдивое слово, — дай Бог, чтобы оно пристыдило тех фанатиков, которые еще так недавно крикливо высказывались против признания старообрядцев коренными русскими людьми, признания, основывающегося на твердых исторических фактах, и требовали крутых мер против них»³⁴

Даже крайне правая газета «Гражданин» князя В.П. Мещерского горячо поддерживала намерение верховной власти расширить свободу вероисповедания: «Я сегодня горячо приветствую обращение с вопросом вероисповеданий, в том виде, в каком оно успело уже осветиться первыми шагами в этой области почтенного председателя комитета министров [С.Ю.Витте]. В этом вопросе громадной жизненной важности для России он взглянул на него не с петербургской точки зрения терпимости, исходящей от равнодушия к вопросам веры, а с точки зрения той русской терпимости в духе нашей Церкви, в духе нашего народа, против которой, увы, два столетия стоит непреодолимую преградою наш бюрократический строй церковного управления.

Дух этого строя тяжелым гнетом томил жизнь всех миллионов неправославных русских людей, <...> руководясь по отношению ко всем иноверцам непримиримо к ней нетерпимостью, родившею целый мир преследований, явных и тайных, благодаря которым во всех концах России росли взаимные народные ненависти, и люди отдалялись злобою от своего правительства...

Цензура доселе мешала <...> разглашать ту нескончаемую летопись гонений на иноверных сынов русского государства, которые в течение двух столетий

³⁴Заря религиозной свободы // Слово. 27.01.1905. №49. С. 1.

творились лжеусердными служителями Церкви под прикрытием ее святого имени и под личиною усердия к православной вере, но всякий, кто страницы этой летописи видел осуществляющимися на деле, в жизни, и ошутил душою отзвуки мук их жертв, тот поймет, сколько светлого, отрадного и великого по благу заключает в себе наступившая минута <...> когда Царь повелел Своему умному слуге, вкупе с сведущими людьми, разработать законы веротерпимости для русского государства»³⁵

Следует подчеркнуть различие между позицией «Гражданина» и многих других цитированных нами выше изданий. В.П. Мещерский приветствовал введение веротерпимости не с позиции либерала, для которого всякая свобода хороша сама по себе, как таковая, а с точки зрения консерватора, желающего усиления русской Церкви через освобождение ее от двухсотлетней (начиная с эпохи Петра I) стеснительной бюрократической опеки и, вместе с тем, укрепления русского государства, которое расшатывали межконфессиональные конфликты — неизбежный результат религиозных гонений.

На общем фоне радостных предчувствий и славословий религиозной свободе «гласом вопиющего в пустыне» кажется голос журнала «Миссионерское обозрение». Уже упомянутый нами Н. Гринякин, предрекал духовную катастрофу, которая должна наступить для православного русского народа с введением нового религиозного законодательства: «Церковь православная ныне — накануне великой и открытой войны с легионами церковных отщепенцев, — накануне так называемой “свободы совести” и исповеданий. Врата адавы раскроются вскоре во всю свою ширь. Раскол и дикие еретические секты хлынут темною лавою из этих врат во двор церковный и, Бог знает, сколько в нем останется претерпевших до конца испытания веры <...> С несомненностью можно только утверждать, что погибель духовная едва ли многим уступит в числе количеству жертв русско-японской войны. И кто знаком со всеми чисто-японскими хитростями расколо-сектантских пропагандистов: извращением ими Слова Божия и святоотеческого, лукавым угрызанием ими писаний, слащавой интонацией со-вращения при угрозе анафемой непослушным и воздыханием о погибели заблудших; кто знаком далее с девственным невежеством нашего простого народа о своей вере и недолюбливанием им духовенства, а вместе и равнодушием к его проповеди: тот, надеюсь, поймет, что истину говорю я и не лгу. По своей прежней миссионерской службе и по своему проживанию временами в родных краях, знаю громадные села, и знаю с той стороны, что появишь в них с открытой

³⁵Дневники. Пятница 28-го января // Гражданин. 30.01.1905. №9. С. 23.

и всячески свободной пропагандой любой начетчик какого угодно раскольничьего или сектантского толка, и чрез год-два огромное число населения, если не перестанет ходить в церковь, то поколеблется в своей вере непременно. <...> Православный пастырь, если он не миссионерствовал публично, если он мало начитан по миссионерству (а таковых подавляющее большинство), не выйдет на открытое состязание с пропагандистом, а если и выйдет, то едва ли будет лучше: в его неопытности узрят неправоту его веры. <...> Что ждет православную паству, при полной разнузданности отступнической пропаганды, нетрудно догадаться: смута, брожение в приходе, отпадение от истины. Какая православная душа может остаться спокойной, безразличной, какое православное сердце не дрогнет, когда из двора церковного пойдут в дебри темного заблуждения десятки, сотни и тысячи православных людей? И пойдут по младенческому несмыслию в православной вере, пойдут по невежеству, по слепоте?»³⁶

Нет сомнения, что приведенные только что строки были продиктованы искренней болью и заботой о духовном благополучии народа. Силу и убедительность аргументации автора придает то, что она основана не на отвлеченных философских и богословских посылах, а на реальном жизненном и миссионерском опыте, на знании особенностей религиозной психологии русских людей. Основной тезис Н. Гринякина можно сформулировать так. — По своему духовному уровню русский народ пока еще младенец. Он не сможет правильно, разумно распорядиться даруемой ему свободой, Освобождение его от отеческой опеки со стороны государственных и церковных властей, выражающейся в административном и законодательном ограничении проповеди и иной религиозной деятельности сектантов, раскольников и иноверцев, является преждевременным и потому крайне вредным. Православный публицист вполне искренне заявлял, что он не является противником свободы веры как таковой. Его страшила именно свобода религиозной пропаганды, против которой и было прежде всего направлено русское законодательство. «Где, в чем у нас ограничения за веру? — обращался он в своей предыдущей статье к светским журналистам — защитникам свободы совести. — Кто, как и во что верует <...> — это его тайна, его святое святых. Верьте вы, гг. газетные писатели, хоть в прелых фетишей, и будьте уверены, что никто вам слова запрещения не скажет и никаких ограничений вашей веры не последует. Иное дело, если вы станете внушать фетишизм другим. В данном случае закон обязан оградить нашу меньшую братию от дикой

³⁶ Гринякин Н. Навстречу «свободы исповеданий» // Миссионерское обозрение. 1905. Январь. С. 221–222.

и вредной пропаганды, и обязан во имя человечности именно. А к этому ведь по существу и сводится в нашем законодательстве вероисповедный вопрос»³⁷. Вполне обоснованным, с точки зрения Гринякина, был «двойной стандарт», принятый в русском праве по отношению, с одной стороны, к «иностранным исповеданиям», «которые получили свое начало вне пределов православной русской Церкви — язычеству, еврейству, латинству и протестантству»³⁸, а с другой стороны — к русским «расколо-сектантам», которые отделились от этой Церкви «с явным знаменем активной вражды и похуления»³⁹ по отношению к ней.

Разумеется, доводы миссионера могли быть убедительны лишь для человека, свято верующего в истинность и спасительность православия, и, соответственно, в пагубность раскольнических и сектантских учений. Эти аргументы не имели никакого значения для огромного большинства русского образованного светского общества, которое если и не придерживалось атеистических воззрений, то во всяком случае было весьма далеко от христианства в его православной церковной версии. Журнал «Миссионерское обозрение» пользовался дурной репутацией у русской либеральной публики. Публицист из «Русских ведомостей» характеризовал главного редактора этого журнала В. Скворцова и его сотрудников как «добровольных агентов светской власти», поддерживающих самые жесткие и бесчеловечные меры против старообрядцев и сектантов⁴⁰.

Следует отметить, что «Миссионерское обозрение» не выражало точку зрения всех вообще «церковников». В русской православной Церкви того времени, особенно в среде столичного духовенства, были достаточно сильны либеральные течения. Пламенным поборником свободы совести, причем именно с христианских (так ему, во всяком случае, казалось) позиций выступал священник Григорий Петров⁴¹, один из самых ярких проповедников начала XX века, чьи публицистические статьи, очерки и фельетоны регулярно появлялись на страницах газеты «Русское слово». По его мнению, система, при которой светская власть охраняет Церковь административно-полицейскими мерами и преследует ее противников, для Церкви не только не полезна, но и прямо пагубна: «Церкви

³⁷ Гринякин И. Наши «Гамалиилы» (по поводу газетных суждений о «веротерпимости») // Миссионерское обозрение. 1904. Октябрь. Кн. 2. С. 926.

³⁸ Там же. С. 928.

³⁹ Там же.

⁴⁰ С.М.-нов. Закон и «религиозные отщепенцы» // Русские ведомости. 03.12.1904. №336. С. 4.

⁴¹ См. о нем: Фирсов С.Л. Священник Григорий Спиридонович Петров // Российская интеллигенция на историческом переломе. Первая треть XX века. Тезисы докладов и сообщений научной конференции. Санкт-Петербург, 19–20 марта 1996 г. СПб., 1996. С. 208–211.

такая поддержка не нужна. Она не в духе Церкви, излишняя для нее. Сила Церкви есть внутренняя, духовная. Внешняя полицейско-государственная поддержка, при всей ее благожелательности, это — костыль или палка для здорового и крепкого ногами...

Истинная, живая Христова Церковь не знает замков, в нее и вход, и выход совершенно свободны... Переродился человек духовно, принял внутрь Христа, Сына Божия, — он, как капля, соединяется с живым океаном живой воды — с Церковью. Изменился в этом океане почему-либо внутренне, духовную связь потерял, — сейчас выделяется из среды. В нем уже нет Церкви, и он не в Церкви. Как же Церковь станет держать его насильственно в своих недрах? Она может и должна убеждать его, молиться за него, но пускать от себя силой не может. Это — не дело Церкви, не церковный способ воздействия.

— Тогда что же? — скажут. — Тогда, значит, полная свобода уходить из православной Церкви? Да ведь это гибель православия! В таком случае, если не все, то какие миллионы православных отпадут, кто — в раскол, кто — в сектанство, кто — в инославные вероисповедания.

Так говорят обыкновенно не в меру ретивые защитники всяких внешних вмешательств в вопросы веры, суровые противники свободы совести... Хочется спросить их, как же они понимают Православную Церковь, внутреннюю связь духовных чад ее? Что такое, по их мнению, Церковь? Куча сухого песка, которая не может держаться, если не будет чем-нибудь прочно ограждена извне? Или же это — живой Божий организм? Тесно сплоченное, внутренне-соединенное тело Христово?

Сама Православная Церковь учит нас последнему. Как же можно говорить, что живой организм, живое тело Христово, живой Божий союз только и держится внешнею, полицейскою охраною? Отними ее, и все пропало: верующие разбегутся, рассеются по распутьям! Разве же эти речи не кощунственны? Не грубое оскорбление, не унижение достоинства Церкви?»⁴² — такие риторические вопросы задавал о. Григорий в статье «О свободе совести».

О Гринякине и его статьях Г. Петров не упоминает, но, несомненно, он полемизирует в том числе и с этим автором. Публицист из «Миссионерского обозрения», в свою очередь не обошел вниманием статьи либерального священника, подвергнув его тезисы резкой критике: «Если бы о. Петров, действительно, обратился с такими мыслями к тем, кого ему “хочется спросить”, то они сказали бы ему, что понятие у него, о. Григория, о Церкви — чисто-протестантское

⁴² Петров Г., *свящ.* О свободе совести (окончание) // Русское слово. 25.02.1905. №54. С. 1.

(Церковь, как “невидимое общество святых”, как “всеобъемлющее тело Христово”). Вместо протестантского и отвлеченного определения Церкви Христовой, мы берем православное и более конкретное: это общество истинно верующих во Христа, соединенное для вечного спасения священноначалием и таинствами. По протестантскому учению, Церковь — невидимое общество *святых*, <...> грешных членов <...> там нет: как только они согрешили (у Петрова — “изменились внутренно”), они невидимым судом Божиим тут же отсекаются от Церкви <...> (у Петрова — “сейчас выделяются из среды...”). По православному же учению в Церкви могут быть до суда церковного и отлучения и недостойные члены. <...> Церковь — хотя она и не “куча сухого песку” и “живое тело Христово, живой Божий союз” и “держится не полицейской охраной” (никто этого не говорит); но в ней, как и в живом теле могут быть и больные уды; <...> и болит ли один уд, с ним страждут и другие. И вот, при открытой пропаганде отступничества, заболят, “соблазняются” о своей вере миллионы “малых сих” — младенцев церковных, и по отсутствию достаточного врачевания (отпора расколо-сектантской пропаганде) и по своему несмыслию в вере Христовой, слепо пойдут в пропасть религиозной лжи и тьмы, в пропасть вечной гибели. <...> Ужели он, о. Григорий — совершенно равнодушен к этому погибельному для спасения души “выделению из среды”?»⁴³.

В споре между о. Григорием Петровым и Н. Гринякиным трудно встать однозначно на сторону одного из оппонентов: в рассуждениях как того, так и другого была, несомненно, «своя правда». Умеренную позицию, посередине между двумя крайностями, попытался занять журнал «Церковный вестник», издававшийся при Санкт-Петербургской духовной академии. В публикации под названием «Мнения и отзывы» в № 6 за 1905 год были приведены как выдержки из светских газет, превозносивших свободу совести, так и цитированный нами выше отрывок из статьи Н. Гринякина «Навстречу “свободы исповеданий”» — о «вратах адовых» в виде ересей и сект, грозящих поглотить миллионы неразумных чад православной Церкви. «Церковный вестник» признал частичную правоту миссионера: «Все трезвые люди согласятся с автором, что путь к идеалу лежит через компромисс, что некоторое физическое охранение наших младенцев в вере от иноверных влияний естественно и условно-необходимо»⁴⁴. Тем не менее, по убеждению автора редакционной статьи, консервация существующей

⁴³Гринякин Н. Пред распутьем (по поводу суждений в периодической печати о «свободе исповеданий») // Миссионерское обозрение. 1905. Март. Кн. 1. С. 683–684.

⁴⁴Мнения и отзывы // Церковный вестник. 10.02.1905. №6. Стб. 165.

системы церковно-государственных отношений не может быть приемлемым решением проблемы: «Нельзя Церкви бесконечно прозябать под покровом внешней, принудительной защиты. Такое положение ее в сущности ненормально; оно включает в себя соблазн расслабления. <...> Рассуждения г. миссионера не имеют под собой никакой принципиальной опоры; они имеют ценность только относительную, практическую, выдвигая вопрос: насколько в данный момент и при данных обстоятельствах переход к новому порядку вещей мог бы быть безопасен для интересов православия? Ответим на него также практически. Только легковверные и неопытные люди склонны видеть какой-то радикализм в наших реформах, идущих сверху. <...> По всем признакам, эти реформы, как были, так и будут <...> более, чем умеренными и постепенными. А если так, то и задачи православной миссии не обострятся вдруг до такого трагизма, как это рисуется пугливому воображению. Доброй половиной сравнительной беспечности и покоя придется, конечно, пожертвовать, но — верим — это послужит только к чести и силе нашей Церкви. После этого первого (необходимо плодотворного) искушения внутренних сил Церкви, ей не страшен будет переход и к полной свободе исповеданий»⁴⁵.

Позицию «Церковного вестника» можно назвать умеренно-либеральной. По сути автор статьи согласен с аргументами Г. Петрова и другими апологетами свободы совести из церковной и светской среды; ему лишь хочется, чтобы преобразования в духовной области были «умеренными и постепенными». Светские либеральные журналисты, однако, нашли повод обвинить петербургский академический журнал в недостаточно последовательном отстаивании принципа свободы вероисповеданий, в соглашательстве с реакционными миссионерами⁴⁶.

В вопросе о религиозной свободе позиции верховной власти и либеральной общественности были близки, как ни в каком другом. Император Николай II признавался министру внутренних дел князю П.Д. Святополк-Мирскому, что идея веротерпимости всегда была ему близка⁴⁷. Еще до окончательного провозглашения свободы совести, в феврале 1905 года, министерствами внутренних дел и юстиции по поручению императора были изданы специальные циркуляры, предписывавшие губернским начальствам без замедления принять меры к устранению административных стеснений в области религии и к освобождению тех лиц, которые подверглись по такого рода делам ограничениям и взысканиям.

⁴⁵Там же. Стб. 165–166.

⁴⁶См.: О свободе исповедания // Слово. 12.02.1905. №65. С. 1.

⁴⁷Фирсов С.Л. Русская Церковь накануне перемен... С. 148.

Тем не менее, изданные в прежние времена законы и иные акты, ограничивавшие религиозную свободу, не были официально отменены. Это порождало сложную и двусмысленную правовую ситуацию; продолжали иметь место факты преследования и ущемления прав людей по религиозным мотивам. Оппозиционная пресса заостряла внимание общества на таких эпизодах.

«В тот момент, когда уже официально была провозглашена в России веротерпимость, на театре военных действий раненые и умирающие старообрядцы, пролившие свою кровь на полях далекой Манчжурии, были лишены возможности услышать последнее напутственное слово перед смертью от своих духовников. <...> В тот момент, когда министерством внутренних дел издается циркуляр, предписывающий «не допускать впредь в пределах губернии применения к делам религиозного свойства положений о государственной охране и о полицейском надзоре <...>», по протоколу полиции в окрестностях Одессы привлекаются к уголовной ответственности 39 крестьян, молившихся по баптистскому обряду. <...> В то же время в г. Сумах окружной суд приговаривает 18 марта 5 мужчин и 7 женщин <...> за принадлежность к секте штундистов к лишению всех прав состояния и к ссылке в Сибирь на поселение»⁴⁸. Газета уверяла читателей, что правительство желает лишь «успокоить общественное мнение»⁴⁹ заявлениями о веротерпимости, а на практике проводит прежнюю «полицейскую» политику. Однако, скорее всего, приведенные факты свидетельствовали о косности бюрократического аппарата, а не о какой-то злонамеренности высшей власти, которая, в лице императора и Комитета министров, уже приняла к тому времени твердое решение ввести в России начала религиозной свободы.

Решение это было осуществлено 17 апреля 1905 года, когда был издан Именной высочайший указ Сенату «Об укреплении начал веротерпимости». Указ не отменял господствующего положения православной Церкви, то есть не лишал ее государственного покровительства. Признавалось, однако, что «отпадение от Православной веры в другое христианское исповедание или вероучение не подлежит преследованию, <...> причем, отпавшее по достижении совершеннолетия от Православия лицо признается принадлежащим к тому вероисповеданию или вероучению, которое оно для себя избрало». Разрешения православным переходить в нехристианские исповедания в законе дано не было. Исключение делалось для лиц, формально «числящихся православными, но в действительности исповедующих ту веру, к которой до присоединения к Православию при-

⁴⁸Официальная веротерпимость // Русские ведомости. №104. 17.04.1905. С. 4.

⁴⁹Там же.

надлежали сами они или их предки». Эта статья была актуальна, в частности, для некоторых регионов Поволжья, где одно время практиковалось массовое насильственное обращение из мусульманства и язычества в православие.

Вероучения, которые до этого времени объединялись наименованием «раскол», разделялись отныне на три категории: «а) старообрядческие согласия, б) сектантство и в) изуверные учения». Принадлежность к «изуверным учениям» преследовалась в уголовном порядке, а старообрядческие и сектантские сообщества приобретали равные права с инославными христианскими исповеданиями. Заявлялось также о намерении подвергнуть пересмотру и обсуждению существующие узаконения, касающиеся магометан и ламаитов (последних впредь было запрещено именовать в официальных актах «идолопоклонниками и язычниками») ⁵⁰.

День объявления свободы совести, 17 апреля, в 1905 году совпал с православным праздником Пасхи. Газеты не могли не отметить этот по-своему знаковый факт. «Красное яичко к Светлому дню старообрядцам, сектантам и всем лицам инославных исповеданий. Выработанные положения Комитета министров по шестому пункту Именного Высочайшего указа 12 декабря 1904 года знаменуют собой признание полной веротерпимости, распространяя ее на всех иноверцев, не исключая даже и ламаитов. <...> Нет сомнения, что установленные основания предстоящего изменения законов, обеспечивающие веротерпимость, утвержденные верховной властью и встречающие всеобщее сочувствие, будут проведены в полном объеме и не встретится никаких затруднений к осуществлению благой цели», ⁵¹ — писало «Новое время». «Христос мира, любви и свободной веры воскресает, воистину воскресает в России, сбрасывающей мрачные пути средневековых пережитков и возвращающейся к идеалам истинного, первоначального христианства», ⁵² — провозглашала газета «Русь». «Обнародованный в первый день Пасхи, 17 апреля, Высочайший указ <...> является актом крупного общественного значения и вместе с тем “великим делом мира и любви”» ⁵³.

Даже издание крайне правого направления приветствовали царский манифест. Как писал «Гражданин», «из появившихся на Пасху правительственных актов всего больше произвело впечатление обнародование государем даро-

⁵⁰ПСЗ Ш. Т. XXV. СПб., 1908. С. 257–258.

⁵¹Внутренние известия // Новое время. №10459. 17.04.1905. С. 3.

⁵²Провозглашение веротерпимости // Русь. №99. 17.04.1905. С. 1.

⁵³Москва, 20 апреля // Русские ведомости. №105. 20.04.1905. С. 2.

ванных иноверным исповеданиям, раскольникам и сектантам облегчений. <...> Нельзя этому историческому факту не порадоваться»⁵⁴. Газета «Московские ведомости», возглавляемая В.А. Грингмутом, впоследствии видным черносотенным деятелем, оказалась в сложном положении. Идея широкой религиозной свободы ее редактору явно не была близка, но, как верноподданный монархист, он не мог выступать против акта царской воли. В статье «Свобода иноверия и инославия» газета выражала надежду, что инославные, раскольники и иноверцы не будут «злоупотреблять дарованной им свободой для унижения Православной Церкви»⁵⁵.

Последствия царского указа не замедлили сказаться в религиозной жизни России. «Начался массовый переход из православия тех, кто только считался православным, но на деле исповедовал свою прежнюю религию или религию своих предков. По данным министерства внутренних дел, за 1905 год только в католичество “отпало” 170000 человек, в ислам — 36000, в лютеранство — 11000»⁵⁶.

Заметно оживились старообрядцы и сектанты, получившие полноту гражданских прав и возможность для полноценной легализации своих общин.

В дальнейшем правительством была разработана серия законопроектов, конкретизирующих положения указа 17 апреля 1905 года. Особенно активная работа в этом направлении шла при Столыпине. Однако, как указывает Ю.С. Белов, «в комплексе вероисповедных законопроектов отразилась общая судьба столыпинских реформ. <...> Из многих десятков намеченных законопроектов в Думу было внесено лишь 11, из которых 4 уже действовали по статье 87. Но и из них ни один законом не стал»⁵⁷. Консервативная царская бюрократия всячески тормозила принятие законов, развивавших принцип свободы совести. «С другой стороны, — как отмечает тот же автор, — вероисповедные законопроекты не имели уже “капитального” значения. С отменой мер, запрещавших или каравших перемену веры, они фактически приобретали кодификационный характер, тем более, что почти все, предусматриваемое ими, было уже осуществлено административным порядком»⁵⁸. «В России де-факто установилась свобода сове-

⁵⁴ Дневники. Воскресенье, 17 апреля // Гражданин. №31. 21.04.1905. С. 21.

⁵⁵ Свобода иноверия и инославия // Московские ведомости. №108 21.04.1905. С. 1.

⁵⁶ Дорская А.А. Свобода совести в России... С. 54.

⁵⁷ Белов Ю.С. Судьба правительственной программы вероисповедных реформ в 1906–1914 гг. // Клио. №1 (7). 1999. С. 183.

⁵⁸ Там же.

сти вплоть до фактически внеконфессионального состояния: чисто формально числясь в какой-либо религии, можно было на практике не исполнять никаких обрядов и не нести за это никакой ответственности»⁵⁹. Эпоха религиозной свободы продолжалась вплоть до установления коммунистического режима, при котором гонениям подверглись все религии, и, в первую очередь, православие.

Рассматривая полемику в русской печати 1904–1905 гг. на тему религиозной свободы, мы можем выделить три точки зрения по данному вопросу:

1) *Консервативная*, одним из наиболее последовательных выразителей которой был журнал «Миссионерское обозрение». Согласно этой точке зрения, в России и до 1905 года уровень веротерпимости был вполне приемлемым. Каждый может верить «в душе» так, как он хочет, но право публичной демонстрации (оказательства) и проповеди учений, враждебных православию, должно быть законодательно ограничено. По мнению миссионера-публициста Н. Гринякина и его единомышленников, русский народ по уровню духовного развития фактически является ребенком. Позволить в его среде беспрепятственное распространение ересей и лжеучений — все равно, что позволить младенцу играть с бритвой⁶⁰. С точки зрения консерваторов, вполне оправданным был «двойной стандарт», принятый в русском праве по отношению, с одной стороны, к «иностранным исповеданиям», «которые получили свое начало вне пределов православной русской Церкви — язычеству, еврейству, латинству и протестантству», и, с другой стороны, — к русским «расколо-сектантам», которые отделились от этой Церкви «с явным знаменем активной вражды и похуления»⁶¹ по отношению к ней.

2) *Умеренно-либеральная* точка зрения. Ее сторонники признавали необходимость отмены ряда существовавших вероисповедных ограничений, прежде всего, в отношении так называемых «раскольников», наиболее ущемленной в своих правах группы верующих. Вместе с тем, умеренные либералы не оспаривали господствующего статуса православной Церкви в России и допускали возможность некоторого законодательного ограничения инославной и иноверческой пропаганды. Данную точку зрения из светских изданий наиболее последовательно выражали «Новое время» и «Слово», а из религиозных — «Церковный вестник».

⁵⁹ Там же. С. 179.

⁶⁰ Гринякин Н. Наши «Гамалиилы» (по поводу газетных суждений о «веротерпимости») // Миссионерское обозрение. 1904. Октябрь. Кн. 2. С. 926.

⁶¹ Там же. С. 928.

3) Точка зрения *радикальных либералов*, требовавших полной отмены вероисповедных ограничений и полного равенства всех религий. Данная точка зрения нашла отражение в ряде публикаций «Руси», «Русских ведомостей», с еще большей определенностью ее проводила газета «Новости», со страниц которой некий анонимный публицист ратовал за «полное освобождение всякого живущего на русской земле от Церкви и от кошмара “христианского государства”»⁶². Такие печатные органы, как «Русское слово», «Санкт-Петербургские ведомости», занимали позицию, среднюю между второй и третьей точками зрения.

Ответ на вопрос о том, какая из указанных точек зрения была «правильной», зависит не столько от эрудиции и профессионализма историка, сколько от его мировоззренческих установок — религиозных, политических и иных. Нельзя, однако, не признать того, что в сложившейся в рассматриваемый период общественно-политической ситуации определенная либерализация религиозного законодательства была объективно неизбежна (также, как объективно неизбежным было введение в государственный строй Российской империи некоторых конституционных начал). Вместе с тем, едва ли соответствовала традициям и жизненным интересам русского и других народов России так называемая «американская» система церковно-государственных отношений, при которой все конфессии, независимо от их вклада в национальную историю и культуру, имеют равные права и равный юридический статус. Не отвечает она потребностям и сегодняшней России. Опыт целого ряда европейских государств показывает, что вполне возможно сочетать свободу вероисповедания для каждого отдельного гражданина и режим наибольшего государственного благоприятствования для одной или нескольких наиболее многочисленных конфессий (такой режим закреплен в законодательстве Германии, Финляндии, Греции и некоторых других государств). Данная модель представляется наиболее предпочтительной и для нашей страны. Разумеется, с последним тезисом не все согласятся. Сейчас, как и сто лет назад, ведутся дискуссии о том, какими должны быть оптимальные отношения между Церковью (церквями) и государством, какую роль должна играть религия в жизни общества. В поисках ответа на эти вопросы мы должны учитывать в том числе и опыт дореволюционной России, как положительный, так и отрицательный.

⁶² «Христианское» государство // Новости и биржевая газета. №100. 21.04.1905. С. 2.

Источники и литература

Законодательные источники

1. Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье (далее: ПСЗ- III). Т. III. СПб.: Государственная типография, 1886.
2. ПСЗ-III. Т. XXIII. Отделение I. СПб.: Гос. типография, 1905.
3. ПСЗ-III. Т. XXIV. Отделение I. СПб.: Гос. типография, 1907.
4. ПСЗ-III. Т. XXV. СПб.: Гос. типография, 1908.

Материалы периодической печати

1. *Белявский Ф.* О свободе совести // Слово. 08.02.1905. №61. С. 5.
2. Внутренние известия // Новое время. 17.04.1905. №10459. С. 3.
3. Высочайший указ // Новое время. 14.12.1904. №10342. С. 3.
4. *Гринякин Н.* Навстречу «свободы исповеданий» // Миссионерское обозрение. 1905. Январь. С. 219–226.
5. *Гринякин Н.* Наши «Гамалиилы» (по поводу газетных суждений о «веротерпимости») // Миссионерское обозрение. 1904. Октябрь. Кн. 2. С. 925–932.
6. *Гринякин Н.* Пред распутьем (по поводу суждений в периодической печати о «свободе исповеданий») // Миссионерское обозрение. 1905. Март. Кн. 1. 675–684
7. Дневники. Воскресенье, 17 апреля // Гражданин. № 31. 21.04.1905. С. 21–22.
8. Дневники. Пятница, 28-го января // Гражданин. 30.01.1905. № 9. С. 23–24.
9. Еще два слова о веротерпимости // Новое время. 26.09.1904. №10263. С. 3.
10. Заря религиозной свободы // Слово. 27.01.1905. №49. С. 1.
11. *Львов Л.* К трудам Комитета министров // Русь. 24.12.1904. №374. С. 1.
12. *М-нов С.* Закон и «религиозные отщепенцы» // Русские ведомости. 03.12.1904. №336. С. 4
13. Мнения и отзывы // Церковный вестник. 10.02.1905. №6. Стб.164–168.
14. Москва, 20 апреля // Русские ведомости. №105. 20.04.1905. С. 2.
15. «Новое время» о веротерпимости // Новости и биржевая газета. 25.09.1904. №265. С. 2.
16. О веротерпимости // Новое время. 22.09.1904. №10259. С. 3.
17. О свободе исповедания // Слово. 12.02.1905. №65. С. 1.
18. Официальная веротерпимость // Русские ведомости. 17.04.1905. № 104. С. 4.

19. *Петров Г., свящ.* О свободе совести (окончание) // Русское слово. 25.02.1905. №54. С. 1.
20. Провозглашение веротерпимости // Русь. 17.04.1905. №99. С. 1.
21. Пятый всероссийский старообрядческий съезд (Корреспонденция «Нового времени») // Новое время. 23.09.1904. №10260. С. 4.
22. Свобода иноверия и инославия // Московские ведомости. 21.04.1905. №108 С. 1.
23. *Соломин С.* Оказательство и совращение // Санкт-Петербургские ведомости. 14.10.1904. №282. С. 3.
24. «Христианское» государство // Новости и биржевая газета. 21.04.1905. №100. С. 2.

Публицистика, проповеди

1. *Серафим (Чичагов), митр.* Да будет воля Твоя. М.: Паломник; СПб.: Нева-Ладога-Онега - СП «Рюрик», 1993. Ч. 1.

Религиоведческие исследования

1. *Буткевич Т.И.* Обзор русских сект и их толков. Пг.: Издание И.Л. Тузова, 1915.
2. *Клибанов А.И.* Религиозное сектантство в прошлом и настоящем. М.: «Наука», 1973.
3. *Миловидов В.Ф.* Старообрядчество в прошлом и настоящем. М.: «Мысль», 1969.
4. *Пругавин А.С.* Старообрядчество во второй половине XIX века. Очерки из новейшей истории раскола. М.: Отд. тип. т-ва И.Д. Сытина, 1904.

Исторические монографии и статьи

1. *Белов Ю.С.* Судьба правительственной программы вероисповедных реформ в 1906–1914 гг. // Клио. 1999. №1 (7). С. 176–184.
2. *Дорская А.А.* Свобода совести в России: судьба законопроектов начала XX века. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2001.
3. *Фирсов С.Л.* Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х–1918 гг.). М., 2002.
4. *Фирсов С.Л.* Священник Григорий Спиридонович Петров // Российская интеллигенция на историческом переломе. Первая треть XX века. Тезисы докладов и сообщений научной конференции. Санкт-Петербург, 19–20 марта 1996 г. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. С. 208–211.